

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

МИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ВЫП: 4

ПЕРЕВОДЪ ВЪ МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧЪ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦІЯ КНИГИ
М. В. ДОБУЖИНСКАГО И В. Н. ЛЕВИТСКАГО

1

9

1

4

ИЗДА
ГРЯДУЩИЙ
ДЕНЬ
СПЕ
РЕДАКТОРЪ
А. А.
ВОЛЫНСКИЙ

Г-84

С.П. Григор

11 ФЕВ 2008

В.

А.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА

№ 2139

W

ГРАВЮРА
НЕИЗВ. ХУДОЖН.
XVI В.
МИКЕЛЬАНДЖЕЛО.
КОЛЛЕКЦИЯ
Гуланга. Веймаръ.

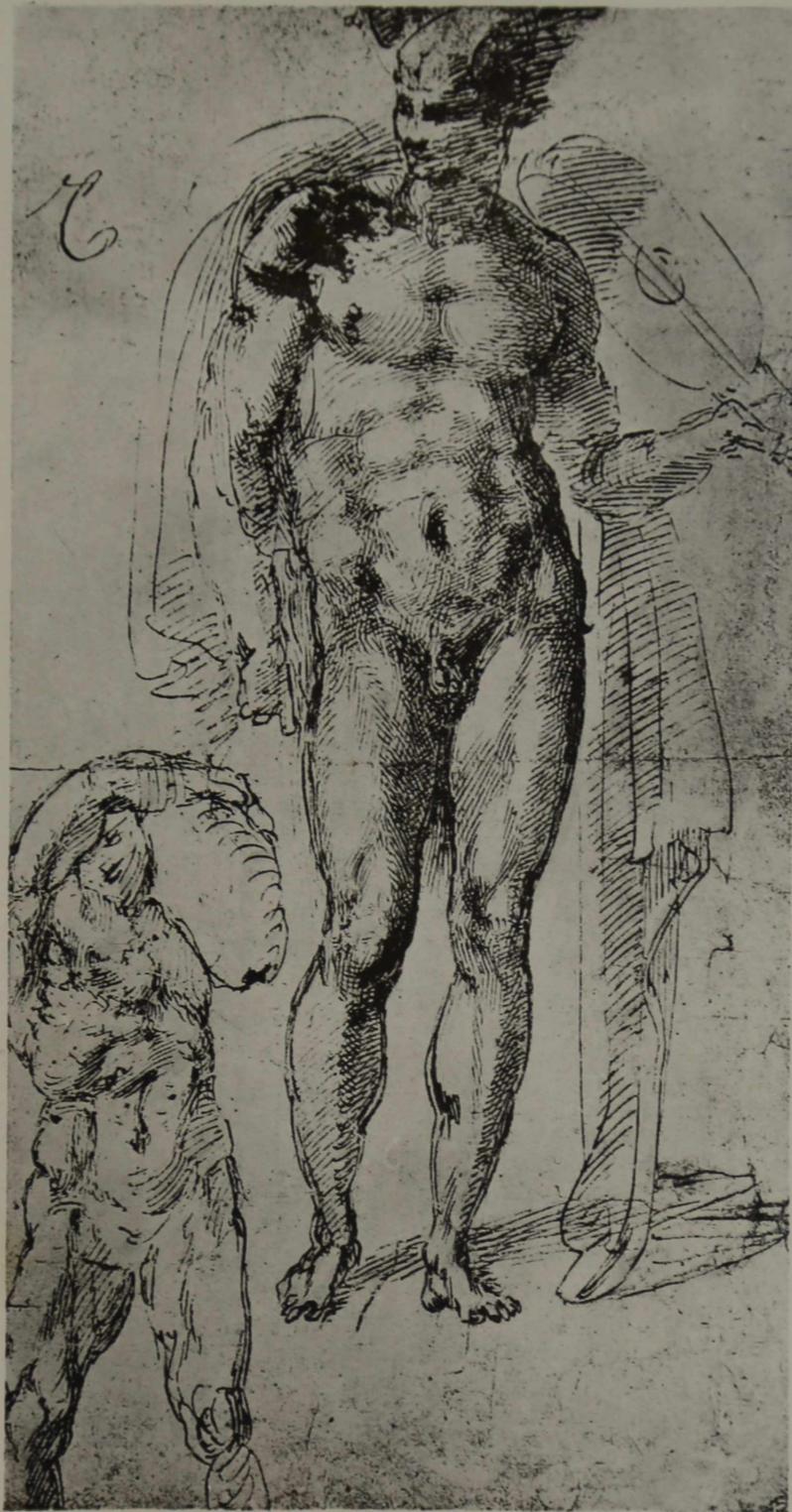
явился, онъ спросилъ, что я думаю обо всемъ, мною видѣнномъ. Я сказалъ ему свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что здѣсь собраны дѣйствительно прекрасныя вещи. Послѣ этого кардиналъ пожелалъ узнать, надѣюсь-ли я создать что-нибудь прекрасное. Я отвѣтилъ, что не хочу давать большихъ обѣщаній, но что, впрочемъ, онъ самъ вскорѣ увидитъ, на что я способенъ. Мы купили глыбу мрамора для статуи въ натуральную величину, и съ будущаго понедѣльника я приступаю къ работѣ. Въ прошедшій-же понедѣльникъ я передалъ Ваши остальные письма Паоло Ручеллаи, и тотъ заплатилъ мнѣ сумму, въ которой я нуждался, и сумму, предназначенную для Кавальканти. Затѣмъ я отнесъ письмо къ Бальдассаре и потребовалъ отъ него своего Амура назадъ, предлагая при этомъ деньги вернуть. Но тотъ грубо отвѣтилъ, что охотиѣе разобьетъ Амура на тысячу кусковъ, что онъ его купилъ, что это его собственность. Онъ могъ-бы письменно доказать, что удовлетворилъ и всѣ требованія посредника. Никто не можетъ принудить его вернуть Амура. Онъ жаловался на Васъ, говоря, что Вы будто-бы его оклеветали. Одинъ флорентіецъ старался помирить насъ, но изъ этого не вышло ничего. Теперь я думаю обратиться къ содѣйствию кардинала; такой совѣтъ далъ мнѣ Бальдассаре Бальдуччи. О дальнѣйшемъ я Вамъ напишу потомъ. Вотъ и все на этотъ разъ. Поручаю себя Вашему покровительству. Господь да хранитъ Васъ.

Микельаньоло въ Римѣ».

Эти немногія слова живо вводятъ насъ въ споръ, возникшій по поводу покупки Купидона, при чемъ дѣйствующими мотивами тутъ явились гнѣвъ высокопоставленнаго лица, ярость купца, готоваго на обманъ, и, наконецъ, сочувствіе друзей съ той и съ другой стороны. И, однако, все это только мелочи на фонѣ впечатлѣній отъ самого Рима. Микель-Анджело осматривалъ городъ, и знакомство съ произведеніями искусства внушало ему идеи для собственныхъ работъ.

Ему шелъ двадцать второй годъ, когда онъ пріѣхалъ въ Римъ.

Какъ нѣкогда римляне говорили «Городъ», когда хотѣли обозначить Римъ, такъ мы теперь говоримъ «Римъ», желая однимъ словомъ назвать то, что представляется намъ идеаломъ города. Начинаетъ казаться, будто тогда, когда былъ созданъ міръ съ деревьями, рѣками, морями, горами, животными и человѣкомъ, на томъ мѣстѣ земной поверхности, гдѣ стоитъ теперь Римъ, безъ содѣствія людей выросъ изъ земли городъ. Относительно другихъ городовъ легко представить себѣ, что на ихъ мѣстѣ когда-то была пустыня, лѣсъ, болото, тихій, зеленѣющій лугъ. Пришли люди, построили хижины, хижины выросли въ дома, тѣсно прилѣпившіеся одинъ къ другому. Ихъ воздвиглось великое

МИГЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

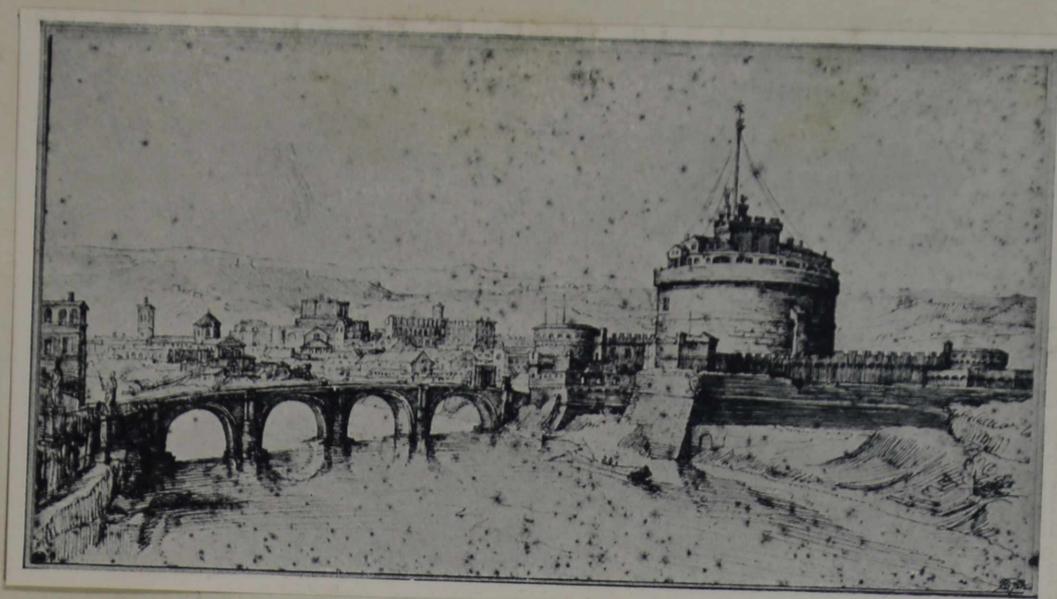
АПОЛЛОНЪ.
(1504—1508).

ЛУВРЪ. ПАРИЖЪ.

множество, съ церквами и дворцами. Но все это не избѣгнетъ разрушенія. Черезъ нѣсколько вѣковъ здѣсь можетъ опять зеленѣть лѣсъ, среди котораго будетъ рыскать дикій звѣрь. Только въ Римѣ такія мысли становятся невозможными. Не вѣрится, что на этомъ мѣстѣ когда-то была болотистая пустыня, на зыбкой почвѣ которой играли дѣтьми Ромулъ и Ремъ, что существуетъ сила, способная смести постройки съ семи холмовъ Вѣчнаго Города. При видѣ Берлина, Вѣны, Парижа я могу представить себѣ бурю, которая, какъ бритва, срѣжетъ у основанія весь городъ и снесетъ его, мертваго, въ сторону. При видѣ-же Рима мнѣ начинаетъ казаться, что камни снова сами собой должны сложиться въ дворцы, если какая-нибудь катастрофа раскидаетъ ихъ, какъ будто законамъ бытія противно, чтобы вершина Капитолія стояла не увѣнчанной дворцами, храмами и башнями.

Выражая такого рода мысли, приходится, къ сожалѣнію, пользоваться готовыми образами извѣстнаго содержанія. Но, въ дѣйствительности, это только фантазія, потому-что когда-нибудь Римъ, подобно Вавилону и Персеполису, превратится въ развалины. И все-же въ такихъ фантазіяхъ есть какая-то высшая для насъ правда. Въ нихъ находятъ себѣ выраженіе охватывающее насъ въ Римѣ чувство вѣчнаго, непреходящаго, чувство, что земля—одно великое царство, а Римъ—его столица, чувство любви къ этому городу городовъ. Я не католикъ, и мнѣ чуждо романтическое почитаніе папы и церкви. Но когда я нахожусь въ Римѣ, я не въ силахъ подавить овладѣвающее мною могучее ощущение, что здѣсь моя родина, и я тоскую по немъ, когда его покидаю. Мысль о томъ, что юный Микель-Анджело, еще весь полный впечатлѣній отъ фанатически изступленной Флоренціи, былъ приведенъ судьбой въ этотъ Римъ и когда-то вступилъ впервые на ту почву, гдѣ все говоритъ о величій прошедшаго,—эта мысль заключаетъ въ себѣ нѣчто чрезвычайно знаменательное и волнующее. Прибытіе въ Римъ было для Микель-Анджело вступленіемъ въ новую жизнь. До того онъ довѣрялся людямъ и отдавался собственнымъ своимъ неяснымъ мечтаніямъ, носившимъ его изъ стороны въ сторону. Отнынѣ-же онъ полагается лишь на самого себя, намѣчаетъ новые планы будущаго. Отнынѣ произведенія Микель-Анджело приобрѣтаютъ характеръ первоклассныхъ созданій искусства.

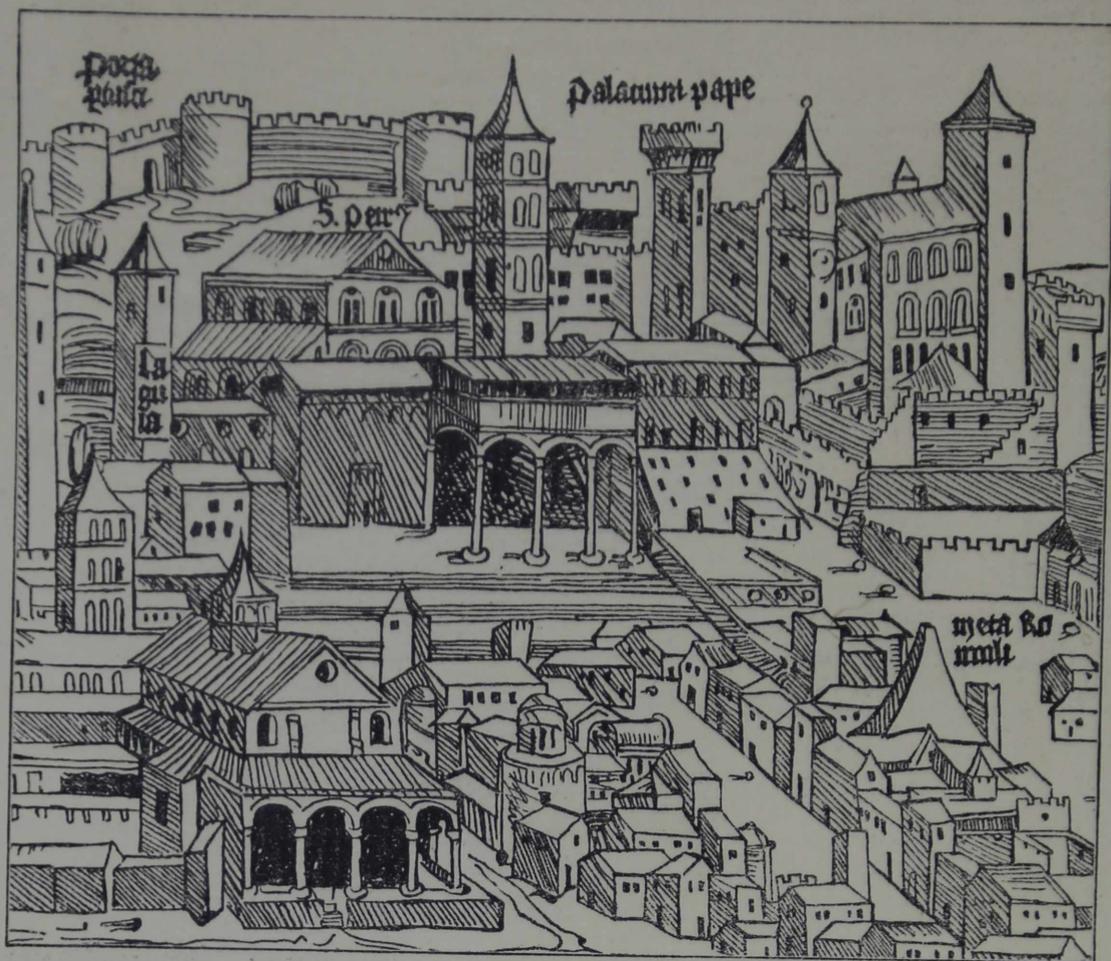

ВИДЪ РИМА XVI В.

какихъ прекрасныхъ вещахъ Микель-Анджело говорилъ съ кардиналомъ, теперь трудно установить. Раскопки въ богатой погребенными сокровищами почвѣ Рима уже начались тогда, и многое было уже найдено. Однако, большинство античныхъ скульптуръ, составляющихъ теперь гордость римскихъ музеевъ, открыто лишь въ позднѣйшее время. Съ другой стороны многое изъ того, что въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ находилось въ Римѣ, впоследствии разсѣялось по всему міру. Теперешній видъ Рима не можетъ свидѣтельствовать о тогдашнемъ, Микель-Анджело вступалъ въ совершенно другой Римъ. Созданія искусства не стояли тогда рядами въ музеяхъ, а были разставлены по всему городу на видныхъ мѣстахъ для украшенія зданій и на радость людямъ. Зданія-же того времени строились въ стилѣ, отъ котораго теперь остались только жалкіе слѣды. Когда Микель-Анджело впервые взшелъ на скалу Капитолія, онъ и не подозрѣвалъ, что ему суждено покрыть холмъ дворцами, которые совершенно измѣнятъ его.

НЕИЗВѢСТН. МАСТЕРЪ.

ВАТИКАНЪ.

ГРАВЮРА 1493.

Сидя наверху среди развалинъ древняго храма Юпитера и вглядываясь въ панораму города, онъ, вѣроятно, и не предчувствовалъ, что нѣкогда отсюда будутъ смотрѣть на воздвигнутый имъ куполь св. Петра и на безчисленное множество маленькихъ куполовъ, созданныхъ по его же образцу. Современному человѣку кажется, что Римъ немислимъ безъ этой панорамы. Но въ то время ничего этого еще не было. Тогда стояла старая базилика св. Петра. Великолѣпная широкая площадь Бернини съ журчащими фонтанами и стройными колоннадами была еще вся застроена маленькими невзрачными домиками. Среди нихъ находилась небольшая площадка, на которой происходили турниры и конскія ристалища. Огромный дворецъ Ватикана едва-ли достигалъ тогда по размѣру четверти теперешней его длины и имѣлъ видъ военнаго укрѣпленія. Изъ Ватикана крытый каменный ходъ велъ въ башню Сантъ-Анджело, рядомъ укрѣпленій соединенную съ мостомъ черезъ Тибръ, благодаря чему папскій дворецъ казался настоящею крѣпостью. Властелинъ этой крѣпости былъ властелиномъ города, такъ-какъ онъ имѣлъ

НЕИЗВѢСТН. МАСТЕРЪ.

КОРОЛ. МУЗЕЙ. БЕРЛИНЪ.

АЛЕКСАНДРЪ VI БОРДЖІА.

возможность по желанію отрѣзать одну его часть отъ другой: новый папскій городъ на сѣверномъ берегу Тибра—отъ древняго Рима, лежащаго на южномъ берегу.

Башня Сантъ-Анджело считалась цитаделью Рима, но въ сущности представляла только одно изъ незначительныхъ его укрѣпленій. Въ Римѣ, какъ и во Флоренціи, такого рода укрѣпленія были разсѣяны по всему городу. Во Флоренціи свободный, жизнерадостный стиль давно уже создалъ прекрасные дворцы. Въ Римѣ-же, гдѣ общественныя условія все еще заставляли безопасность предпочитать красотѣ, почти не было

рактера и смѣшалъ съ личными чертами своей могучей и непреклонной натуры. И, наконецъ, когда изнеможенный Савонарола захотѣлъ опереться на вызванную имъ къ жизни силу, онъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ одинокъ, что когда рѣчь его умолкнетъ навсегда, повсюду угаснутъ и практическіе отголоски его словъ. Онъ былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы съ самаго начала не предвидѣть возможности такой развязки, и острый взглядъ его быстро проникалъ въ сущность вещей. Потому-то онъ съ увѣренностью и говорилъ о своей гибели и имѣлъ мужество кончить письмо къ папѣ, начатое при иныхъ настроеніяхъ и обстоятельствахъ, когда онъ не опасался ничего и еще не стремился къ смерти съ такою страстью.

Видя добровольное смиреніе Савонаролы, Синьорія предпочла повременить съ дальнѣйшими мѣрами противъ него. Черезъ своего посланника она заявила папѣ, что его требованія будутъ удовлетворены. На этомъ пока и остановились. Но сѣмя, брошенное Савонаролою, дало всходъ во Флоренціи внутри самой партіи Піаніонцевъ, и оно-же его и погубило.

Савонарола не выдавалъ себя за пророка, но все-же считалъ себя избраннымъ орудіемъ Божиимъ, пріоткрывающимъ завѣсу будущаго. Однако, въ сущности, онъ отклонилъ отъ себя лишь имя пророка, чтобы не заслужить упрека въ горделивомъ стремленіи признать себя равнымъ пророкамъ Ветхаго Завѣта. Обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, онъ показывалъ, что проникаетъ въ ихъ души. Онъ говорилъ о знаменіяхъ, предрекающихъ Флоренціи спасеніе, рассказывалъ о видѣніяхъ, раскрывавшихъ ему волю Божью, и не боролся противъ мысли, что ему дано творить чудеса.

Піаніонцы вѣрили этому, какъ непреложной истинѣ. Они безъ колебанья полагались на силу его личности. Когда Піеро появился передъ никѣмъ незащищенными стѣнами города, и народъ кинулся къ Савонаролѣ съ этой вѣстью, онъ спокойно замѣтилъ, что ворота могутъ остаться открытыми, потому-что Піеро не осмѣлится вступить во Флоренцію. И Медичи, дѣйствительно, повернулъ назадъ къ Сіенѣ! Въ глазахъ народа Савонарола былъ пророкъ, волшебникъ и святой, которому Богъ открылъ тонкости государственной конституціи, который все зналъ, все могъ, передъ которымъ должна была склониться всякая сила. Но враги считали его обманщикомъ, хитростью внушившимъ народу такое суевѣрное къ себѣ отношеніе.

Толпѣ свойственно отъ времени до времени искать яркихъ доказательствъ той мощи, которую она приписала избранному ею человѣку. Савонарола предрекъ нашествіе французовъ, прибытіе кораблей съ хлѣбомъ во дни голода, показалъ, что знаетъ самые затаенные помыслы

людей. Но отъ времени воспоминанія объ этихъ «чудесахъ» мало-помалу поблекли, и народъ жаждалъ новыхъ подтвержденій своей вѣры. Онъ ждалъ такого дѣянія со стороны Савонаролы, которое ошеломило-бы враговъ и сокрушило-бы ихъ козни. Синьорія запретила ему проповѣдывать, и онъ ушелъ съ политической арены. И вотъ сторонники его ждали, что внезапно онъ выступитъ съ какимъ-нибудь подвигомъ и опять, какъ прежде, сразитъ своихъ противниковъ.

Такія настроенія волновали Флоренцію въ постъ 1498 года, когда Доменико да Пешія, преданный другъ Савонаролы, проповѣдывалъ въ Санъ Марко, а въ остальныхъ церквахъ враждебное духовенство открыто громило его. Одинъ францисканскій монахъ, говорившій съ кафедры въ церкви Санта Кроче, Франческо да Пуліа, потребовалъ отъ Савонаролы сотвореніемъ чуда доказать истинность своего ученія. Доменико тутъ-же отвѣтилъ, что онъ пройдетъ черезъ огонь въ оправданіе словъ Савонаролы. Отвѣтъ Доменико произвелъ броженіе темныхъ чувствъ въ толпѣ, и вскорѣ по всему городу разнеслось извѣстіе, что Савонарола долженъ пройти черезъ огненное испытаніе. Друзья такъ-же страстно хотѣли этого, какъ и враги его. Піаніонцы были до такой степени увѣрены въ будущемъ чудѣ, что всѣ триста монаховъ монастыря Санъ Марко вмѣстѣ съ большимъ числомъ монахинь, а также и толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей, объявили, что заодно съ учителемъ черезъ назначенное испытаніе хотятъ пройти и они.

Синьорія вмѣшалась въ это дѣло и обратилась къ Савонаролѣ съ запросомъ. Савонарола сперва отказался отъ испытанія, но потомъ, больше подъ давленіемъ своихъ друзей, чѣмъ враговъ, принужденъ былъ выразить свое согласіе. На площади рѣшено было соорудить костеръ, въ который долженъ былъ войти съ одной стороны Савонарола, а съ другой францисканецъ, вызвавшій его на Божій Судъ.

Тезисы, въ подтвержденіе которыхъ Савонарола готовъ былъ пожертвовать жизнью, были слѣдующіе: «Церковь нуждается въ преобразованіи и обновленіи. — Церковь будетъ наказана Богомъ. — Испытавъ кару, она преобразуется, обновится и расцвѣтетъ. — Невѣрующіе будутъ обращены къ вѣрѣ. — На Флоренцію обрушится Божья кара, потому она возродится и расцвѣтетъ заново. — Все это свершится въ наши дни. — Папское отлученіе недѣйствительно. Кто не подчиняется ему, не свершаетъ грѣха». Особенно важнымъ былъ послѣдній тезисъ, отрицавшій папскую власть въ отдѣльномъ частномъ случаѣ, но имѣвшій общее значеніе.

Когда 7 апрѣля Савонарола выходилъ на Піаццу, онъ не зналъ, что въ тотъ-же день король Карлъ VIII простился съ жизнью. Апоплексическій ударъ сразилъ его въ Амбуазѣ. Если-бы исполнились ожиданія

ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

САНЪ МАРКО, ФЛОРЕНЦІЯ.

(деталь).

Савонаролы, Карлъ еще разъ освободилъ-бы Италію, вернулъ-бы Пизу флорентійцамъ, учредилъ-бы высшій церковный совѣтъ, низложилъ-бы папу и, наконецъ, вступивъ въ борьбу съ невѣрными, покорилъ-бы ихъ и обратилъ-бы на путь истины. Многіе изъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей раздѣляли эту мечту, хотя и по менѣе безкорыстнымъ соображеніямъ, чѣмъ Савонарола. Но вотъ эти ожиданія рушились, король умеръ, и судьба отвернулась отъ тѣхъ, кто надѣялся направить будущее народа по извѣстному пути.

Посреди площади была сооружена приподнятая надъ уровнемъ ея дорожка, съ обѣихъ сторонъ обложенная горючими веществами, которыя могли превратить ее въ огненную аллею. Вооруженная стража окружила площадь. Несмѣтная толпа заполнила окна и крыши прилегающихъ домовъ. Францисканцы и доминиканцы явились на мѣсто дѣйствія, — первые молча, вторые распѣвая псалмы. Испытаніе должно было начаться. Тутъ францисканцы потребовали, чтобы Савонарола перемѣнилъ одежду. Въ ней могло находиться колдовское средство про-

ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

САНЪ МАРКО. ФЛОРЕНЦІЯ.

(деталь).

тивъ огня. Его обыскали съ головы до ногъ. Препирательства тянулись нескончаемо, время уходило. Нетерпѣніе и голодъ истомили народъ, пошелъ дождь, а испытаніе все не начиналось. Къ вечеру распространился слухъ, что причиной задержки была трусость Савонаролы. Наконецъ, было объявлено, что огненное испытаніе не состоится совсѣмъ.

Всего сильнѣе общее разочарованіе отразилось на Піаніонцахъ. Въ своей сектантской гордости они ждали блестящаго для себя удовлетворенія, но имъ пришлось выслушивать насмѣшки, на которыя нечѣмъ было отвѣчать. Никому не пришло тогда въ голову то, что неоднократно высказывалось впослѣдствіи, а именно, что Синьорія въ заговорѣ съ францисканцами умышленно инсценировала такой ходъ дѣла, предвидя эффектъ, къ которому это приведетъ. Не обжегши ни одного волоска, францисканцы съ триумфомъ вернулись къ себѣ, тогда-какъ Савонаролу пришлось оружіемъ ограждать отъ толпы на пути въ монастырь. Придя въ Санъ Марко, Савонарола взошелъ на кафедру, рассказалъ все, что произошло, и затѣмъ отпустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ.

Вполнѣ установлено слѣдующее: уже 30 марта, т.-е. за недѣлю до этихъ событій, Синьорія приняла тайное рѣшеніе, что или монахи монастыря Санъ Марко, или францисканцы, смотря по исходу Божьяго Суда, покинуть флорентійскую область. 6 апрѣля, когда рѣчь шла пока только о Доменико да Пешіа, а о Савонаролѣ еще не было сказано въ этомъ отношеніи ничего, было постановлено второе рѣшеніе, что, если Доменико погибнетъ въ огнѣ, Савонарола долженъ будетъ въ трехчасовой срокъ покинуть Флоренцію. Наконецъ, было будто-бы и третье постановленіе: ни въ коемъ случаѣ не допустить францисканца подвергнуть себя испытанію огнемъ. Слѣдовательно, враги Савонаролы опасались возможности чуда и приписывали ему сверхчеловѣческую силу. Однако, подлинность послѣдняго постановленія не удостовѣрена.

Многіе изъ Піаніонцевъ тотчасъ-же послѣ этой неудачи бѣжали изъ города, другіе, вооружившись, засѣли въ своихъ домахъ или стекались въ Санъ Марко, приведенный въ состояніе обороны. Для того времени не было ничего необычнаго въ томъ, что монастырь обратился въ крѣпость. Въ Санъ Марко было немало монаховъ изъ знатнѣйшихъ флорентійскихъ семействъ, искавшихъ здѣсь спокойной жизни. Родственники ихъ явились въ монастырь, чтобы отразить готовящееся нападеніе.

Слѣдующій день, 8 апрѣля, совпалъ съ Вербнымъ Воскресеньемъ. Этимъ числомъ помѣчено постановленіе Синьоріи объ изгнаніи Савонаролы изъ Флоренціи. Раннимъ утромъ онъ произнесъ въ монастырской церкви проповѣдь. Въ ней онъ предсказалъ имѣющія наступить событія, простился со своими сторонниками и благословилъ ихъ. Аррабаты начали дѣйствовать лишь къ вечеру. Въ Соборѣ, во время проповѣди одного изъ доминиканцевъ, gli compagni подняли шумъ и бросились на Піаніонцевъ, которые, спасаясь, выбѣжали изъ церкви. На площади собралась огромная толпа; со всѣхъ сторонъ вдругъ раздался кличъ: «къ оружію! къ оружію! въ Санъ Марко! въ Санъ Марко!» Въ монастырѣ-же церковь была биткомъ набита народомъ. Наружныя ворота были заперты и все подготовлено къ оборонѣ. Вдругъ передъ монастырской стѣной появилась городская стража. Она нашла всѣ входы забаррикадированными, а за ними монаховъ съ панцырями поверхъ рясы и съ аркебузами, огнемъ которыхъ они встрѣтили появившихся солдатъ. Среди монаховъ находились также женщины и дѣти, не успѣвшія покинуть монастыря; крики ихъ вторили гулу обступившей монастырь толпы и увеличивали общее смятеніе. Молодой свѣтлобородый нѣмецъ, по имени Генрихъ, оказался самымъ мужественнымъ среди монаховъ и самымъ мѣткимъ стрѣлкомъ.

Воспользовавшись подходящимъ моментомъ, когда нѣсколько стихло кругомъ, стража объявила осажденнымъ требованіе Синьоріи,

чтобы всѣ посторонніе монастырю люди вышли изъ него. Кто останется, будетъ сочтенъ государственнымъ преступникомъ. Многіе подчинились. Савонарола хотѣлъ добровольно отдаться въ руки стражи, но друзья не допустили его до этого, опасаясь, что народъ разорветъ его въ клочки. Въ задней части монастыря была калитка, черезъ которую нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ Піаніонцевъ пытались бѣжать. Среди нихъ былъ и Франческо Валори. Но Торнабуони, Пуччи и Ридольфи вмѣстѣ со всѣми тѣми, кто уже долго мечталъ объ отмщеніи, бросились въ погоню за нимъ. Они окружили его, убили, оставили трупъ на мѣстѣ и кинулись къ его дому. Съ улицы они застрѣлили его жену, стоявшую у окна, ворвались въ домъ, разграбили его и умертвили внука Валори, спавшаго въ колыбели. Болѣе милостивой судьба оказалась по отношенію къ Содерини. Навстрѣчу толпѣ, собиравшейся напасть на ихъ палаццо, вышелъ въ полномъ облаченіи епископъ Вольтерра, принадлежавшій къ этой-же семьѣ, и видомъ своимъ, а также и громовой рѣчью заставилъ ее разойтись.

Площадь передъ Санъ Марко утихла, и только поздней ночью бушующій народъ опять вернулся сюда. Подъ ворота подложили огонь, и когда они рухнули, толпа ворвалась въ обитель. Савонарола былъ схваченъ городской стражей, безъ защиты которой онъ былъ - бы растерзанъ толпой, и отведенъ во дворецъ Синьоріи. Съ нимъ вмѣстѣ взяты были Доменико да Пешіа и доминиканецъ—Сильвестро. Стражѣ съ трудомъ удалось охранить ихъ отъ яростной черни. Толпа тѣснилась вокругъ Савонаролы и, осыпая его ударами, со смѣхомъ требовала, чтобы пророкъ назвалъ тѣхъ, кто билъ его. Неслись язвительные крики: „Врачу, исцѣлися самъ!“ На площади передъ монастыремъ лежали убитые и раненые. Монахи вышли изъ воротъ, чтобы помочь живымъ и похоронить умершихъ.

Начался судебный процессъ, протекшій очень быстро, но кажущійся нескончаемымъ тому, кто шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми муками, черезъ какія суждено было пройти Савонаролѣ. Сперва папа потребовалъ, чтобы судъ происходилъ въ Римѣ, но затѣмъ ограничился присылкой во Флоренцію своего комиссара. Савонаролу подвергли пыткамъ, относительно которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія. Силы покидали его въ рукахъ палачей, такъ-какъ это была нѣжная натура, не переносившая физической боли. Но едва спущенный съ дыбы, онъ отрицалъ всѣ вырванныя у него пыткой признанія. Въ этомъ состояніи онъ все-же находилъ еще силы сочинять трогательныя посланія. Пытка возобновлялась нѣсколько разъ. Нарди, крайне добросовѣстный въ своихъ повѣствованіяхъ, сообщаетъ, на основаніи вѣрнѣйшихъ источниковъ, будто протоколы допросовъ были поддѣланы при перепискѣ. Папскій комиссаръ съ равнодушіемъ открыто говорилъ впослѣдствіи, что на Савонаролѣ не

было безусловно никакой вины, и что процессъ, отпечатанный въ послѣдствіи флорентійцами въ цѣляхъ самооправданія, былъ весь построенъ на фальсификаціяхъ. Савонаролу приговорили къ смерти, и 23 мая 1498 года, въ день Вознесенія, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

На площади передъ дворцомъ Синьоріи былъ разложенъ костеръ. Посреди его возвышался столбъ съ тремя перекладинами, торчавшими въ разныя стороны. Когда приговоренные шли по висячему помосту, проведенному къ вершинѣ костра, чернь просовывала сквозь доски заостренные клинья, на которыя несчастныя жертвы ступали босыми ногами. Послѣдними словами Савонаролы было утѣшеніе товарищамъ, умиравшимъ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ этого они повисли на перекладинахъ, и пламя охватило ихъ. Мощный порывъ вѣтра вдругъ отнесъ огонь въ сторону. Было мгновеніе, когда Піаніонцамъ казалось, что свершится чудо. Но вскорѣ столбъ рухнулъ въ море пламени. Пепелъ двухъ несчастныхъ монаховъ былъ брошенъ съ моста въ Арно. Какія тяжкія думы должны были раздирать душу Савонаролы, когда онъ увидѣлъ передъ собою съ костра ту самую нѣмую и безучастную толпу, которую въ теченіе многихъ лѣтъ онъ умѣлъ одушевлять и направлять своимъ словомъ!

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО. УФИЦЦИ. ФЛОРЕНЦІЯ.

Э С К И З Ъ.

ФРА БЕАТО АНЖЕЛИКО.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.
(деталь).

АКАДЕМІЯ. ФЛОРЕНЦІЯ.

ЛЮБЧАЙШИМЪ обвиненіемъ противъ Савонаролы было то, что онъ побуждалъ своихъ сторонниковъ силой устранять враговъ. Такое обвиненіе высказываетъ Макиавелли. Насилія не были совершены только потому, поясняетъ онъ, что народъ будто-бы не понялъ намековъ Савонаролы. Необходимо по этому поводу замѣтить, что Піаніонцы постоянно готовы были схватиться за оружіе, но Савонарола всякій разъ удерживалъ ихъ отъ этого. Къ тому-же надо при-

бавить, что Макиавелли, столь удивительно безпристрастный въ другихъ случаяхъ, не могъ отдѣлаться отъ партійной ненависти къ Савонаролѣ и

потому высказываетъ о немъ сужденія одностороннія. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые считали Савонаролу сознательнымъ обманщикомъ и въ этомъ смыслѣ доносили о немъ въ Римъ. Первая въ хронологическомъ отношеніи рукопись Макиавелли, дошедшая до насъ, представляетъ письмо, сообщающее о событіяхъ тѣхъ бурныхъ дней. Непримиимой ненавистью вѣетъ отъ этого письма. Макиавелли въ то время не было еще и тридцати лѣтъ, и онъ только что поступилъ на государственную службу.

Чѣмъ-же, все-таки, объясняется эта темная тѣнь, которая легла на славную память Савонаролы? Для объясненія своей мысли я сравню его съ другимъ монахомъ монастыря Санъ Марко, жившимъ задолго до него и не менѣе его прославившимъ эту обитель. Стѣны ея корридоровъ и капеллъ, даже низенькихъ темныхъ келій, еще покрыты живописью одного изъ подражателей Джіотто, монаха Фіезоле. Живопись эта полна увлекающей чистоты ошущенія, одухотворена нѣжнымъ экстазомъ и даетъ удивительнѣйшіе, захватывающіе образцы творчества.

Всѣхъ работъ его почти невозможно перечислить; безъ устали передавалъ онъ въ краскахъ тонкія видѣнья своей фантазіи. Въ созданныхъ имъ фигурахъ людей есть что-то эфирно безплотное. Онъ писалъ монаховъ, колѣнопреклоненныхъ передъ распятіемъ, трепетными руками обнимающихъ подножіе креста, писалъ сонмы ангеловъ, тѣсной чередой разсѣвающихъ крыльями воздухъ и кажущихся облакомъ, созерцаніе котораго вызываетъ въ насъ восхищеніе. Въ произведеніяхъ его господствуетъ полное соотвѣтствіе между тѣмъ, что онъ хотѣлъ изобразить, и тѣмъ, что изобразилъ въ дѣйствительности, при чемъ замыслы его всегда просты и понятны. Картины его производятъ непосредственное и при томъ незабываемое впечатлѣніе, въ нѣкоторыхъ натурахъ вызывая при этомъ то самое настроеніе, въ какомъ онѣ были созданы самимъ художникомъ.

Фіезоле родился въ 1387 году и былъ современникомъ Гиберти и Брунелеско. Двадцати одного года онъ принялъ на себя монашескій обѣтъ и, доживъ до восьмидесяти шести лѣтъ, умеръ въ Римѣ, гдѣ до сихъ поръ еще сохранилась его могила. По характеру своего дарованія это былъ, въ сущности, миниатюристъ, о чемъ легко судить даже и по его фрескамъ. Жизнь его, описанная Вазари, кажется легендой далекаго благочестиваго времени. Его хотѣли избрать пріоромъ монастыря, но онъ смиренно отклонилъ отъ себя эту честь, и вся судьба Фіезоле, а равно и произведенія его, проникнуты чувствомъ, которое заставляло его скромно уступать дорогу другимъ. Несмотря на это, вліяніе его было огромно и продолжается еще и понынѣ.

ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

САНЪ МАРКО. ФЛОРЕНЦІЯ.

Если сравнимъ настроеніе его картинъ съ духомъ проповѣдей Савонаролы среди тѣхъ самыхъ стѣнъ, съ которыхъ смотрѣли лики написанныхъ Фіозоле святыхъ, мы ясно поймемъ, чѣмъ обладалъ фра Беато Анджелико и отсутствіе чего дѣлало Савонаролу ненавистнымъ для его враговъ. Святой порывъ къ добру и правдѣ, къ праведному и возвышенному, несомнѣнно, одушевлялъ послѣдняго, но онъ не понималъ, что безъ красоты добро не добро, правда не правда, святое не свято. При нѣжной душѣ своей онъ сдѣлался непримиримымъ фанатикомъ, ожесточилъ враговъ и этимъ привелъ себя къ гибели. Онъ не понялъ, что на людей надо дѣйствовать не требованіемъ сознательнаго послушанія, не суровымъ подавленіемъ въ нихъ склонности къ злу, не стремленіемъ заставить ихъ идти неуклонно прямымъ путемъ къ Богу, а вліяніемъ безотчетно воспринимаемыхъ примѣровъ и мягкой терпимостью, находящей соотвѣтственныя слова для выраженія добра и красоты, и даже неустойчивость въ стрем-

леніяхъ готовой истолковать религіозно. Вотъ почему нѣмцы и нѣжныя картины Фіезоле сдѣлали больше, чѣмъ громовыя рѣчи Савонаролы, не оставившія послѣ себя почти никакого слѣда.

Но сейчасъ-же вслѣдъ за смертью Савонаролы народное воображеніе окружило его ореоломъ святости. Событія послѣднихъ дней его жизни передавались изъ устъ въ уста, какъ славныя страданія мученика, и быстро разукрасились чудесами. Говорили, что сердце Савонаролы не сгорѣло, что оно выплыло изъ глубины Арно и было взято друзьями. Твердость, съ какою Савонарола вынесъ всѣ муки, противопоставляли примѣру самого апостола Петра, отрекшагося отъ Господа при менѣ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Въ печальной смерти французскаго короля вскорѣ послѣ потери сына видѣли осуществленіе небесной кары, предреченной Савонаролою. Даже въ самомъ Римѣ народъ носилъ по улицамъ его изображеніе съ нимбомъ вокругъ головы.

Надо думать, что страданія и смерть Савонаролы не прошли безслѣдно и для творческаго духа Микель-Анджело.

Въ ноябрѣ 1498 г. онъ отправился въ Каррару, чтобы на мѣстѣ выбрать кусокъ мрамора для задуманной Pietà. Вѣроятно, онъ тамъ-же и приступилъ къ работѣ надъ ней, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Микель-Анджело съ мраморной глыбой вернулся въ Римъ. По условію заказъ слѣдовало исполнить въ одинъ годъ, но художникъ пробылъ въ Римѣ больше двухъ лѣтъ, послѣ того какъ работа эта уже была начата: его задерживало тамъ желаніе выполнить ее какъ можно лучше.

